

А. Богданов

Всеобщая организационная наука

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

A11 **А. Богданов**
Всеобщая организационная наука / А. Богданов – М.: Книга по Требованию,
2013. – 264 с.

ISBN 978-5-458-54816-8

ISBN 978-5-458-54816-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отъ автора.

Закладка основъ науки, объединяющей организаціонный опытъ человѣчества, науки жизненно-необходимой — дѣло огромной важности. Принимая на себя его инициативу, я въ полной мѣрѣ сознавалъ всю серьезность, всю отвѣтственность этого шага. Да — и отвѣтственность: неудача попытки, ошибочная постановка основныхъ вопросовъ, невѣрность первыхъ рѣшеній могли бы надолго скомпрометировать самую задачу, на цѣлые годы отклонить отъ нея интересъ и вниманіе тѣхъ, кто долженъ работать надъ нею. И все-таки я рѣшился, — потому что надо когда-нибудь начинать. Возможно, что другіе лучше выполнили бы дѣло; но этихъ другихъ приходится ждать...

Предлагаемая первая часть работы представляетъ изслѣдованіе двухъ универсальныхъ организаціонныхъ принциповъ: формирующаго принципа ингрессии, регулирующаго принципа мірового подбора. Условія мѣста и времени позволили мнѣ осуществить это изслѣдованіе только въ самомъ общемъ видѣ. Однако, я полагаю, и оно будетъ уже достаточнымъ, чтобы ввести читателя — особенно читателя изучающаго — въ основной смыслъ и духъ методовъ новой науки.

Спеціальныя старанія были мною приложены для того, чтобы на конкретныхъ, жизненныхъ иллюстра-

ціяхъ наглядно показать практическую примѣнимость науки — ея реальную полезность, ея насущность. Въ этомъ ея счастливая особенность: уже съ первыхъ шаговъ тектологія способна выйти изъ области отвлеченно-познавательной и занять активную роль въ жизни.

Я старался также отчетливо выяснить, что тектологія не есть нѣчто принципиально новое, не скачекъ въ научномъ развитіи, а необходимый выводъ изъ прошлаго, необходимое продолженіе того, что дѣлалось и дѣлается людьми въ ихъ практикѣ и въ теоріи. Это — отчасти оправданіе для моей смѣлости... если оправданіе понадобится.

Я глубоко убѣжденъ, что въ дальнѣйшей работѣ буду уже не одинъ.

А. Богдановъ.

28 (15) дек. 1912 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Отъ автора.	стр. I
Введение: историческая необходимость и научная возможность тектологія.	
a) Организационный опытъ	1
b) Прегнія формы организ. опыта.	4
c) Современное развитіе организ. задачъ и методовъ	17
d) Аналогіи	21
e) Тектологія	25
I. Основныя понятія.	
a) Организованность	29
b) Методы тектологіи	36
II. Всеобщій регулирующий механизмъ.	
A. Принципъ подбора въ практикѣ и теоріи.	41
B. Тектологическая схема подбора.	
1) Консервативный подборъ	48
2) Прогрессивный подборъ	61
C. Специальный случай: гедоническій подборъ	75
D. Другія иллюстраціи, изъ теоріи и практикы.	89
a) Дарвинизмъ и ученіе Мальтуса.	90
b) Теорія Крукса объ развитіи матеріи.	92
c) Первичныя двигат. реакціи живой плазмы.	93
d) Механическій и химическій методы добыванія золота	96
e) Секта и партія.	99
f) Познавательный подборъ	105
E. Общіе выводы	106
III. Всеобщій формирующий механизмъ.	109
A. Принципъ цѣпной связи.	109
B. Схема ингрессіи	114

	стр.
С. Копуляція и конъюгація	124
Д. Нѣкоторые частные случаи конъюгац. процессовъ . . .	137
1) Обобщеніе вѣрное и невѣрное	137
2) Конъюгація діалектовъ и языковъ	139
3) Обиѣнная фізіологическая прививка.	142
Е. Конъюгація и ингрессія	149
Е. Организационные моменты ингрессіи	153
Г. Множественная ингрессія	159
Н. Нѣкоторые специальные случаи ингрессіи.	
а) Познавательныя примѣненія ингрессіи	178
б) Соціальная и міровая ингрессія.	184
І. Ингрессія, эгрессія, депрессія	188
IV. Эгрессія.	
1) Элементарная эгрессія	196
2) Многочленная эгрессія	201
3) Динамика эгрессіи	206
4) Моноцентризмъ эгрессіи.	221
5) Ограниченность эгрессіи	229
V. Депрессія.	
1) Организационная роль депрессіи.	231
2) Происхожденіе депрессіи	236
3) Ограничительная тенденція депрессіи	245

Введеніе.

Историческая необходимость и научная возможность тектологін.

а) Организационный опыт.

Всякая человѣческая дѣятельность объективно является организующей или дезорганизующей. Это значитъ: всякую человѣческую дѣятельность, техническую, общественную, познавательную, художественную, можно разсматривать, какъ нѣкоторый матеріаль организационнаго опыта.

Въ обыденной рѣчи словамъ „организовать“, „организация“, „организаторская дѣятельность“ придается смыслъ болѣе узкій, болѣе специальный. Но если мы захотимъ дать понятіямъ научную опредѣленность и точность, то этотъ обыденный смыслъ ихъ не можетъ быть удержанъ, какъ смутный и заключающій въ себѣ непослѣдовательности.

Всего чаще терминъ „организовать“ употребляется тогда, когда дѣло идетъ о людяхъ, объ ихъ трудѣ, объ ихъ усиліяхъ. „Организовать предпріятіе“, „организовать армію“ или „кампанію“, „защиту“, „атаку“, „ислѣдованіе“, и т. под.,— значитъ: сгруппировать людей для какой-нибудь цѣли, координировать и регулировать ихъ дѣйствія въ духѣ цѣлесообразнаго единства. Но анализируемъ ближе одинъ изъ этихъ примѣровъ, положимъ, наиболѣе типичный—„организовать предпріятіе“,—и немедленно обнаружится, что даже тутъ понятіе шире, что оно относится не только къ человѣческимъ активностямъ.

Организаторъ предпріятія объединяетъ работниковъ, комбинировать ихъ трудовые акты. Многіе изъ этихъ актовъ могутъ быть замѣщены движеніями машинъ. Когда вводится машина, то передъ организаторомъ задача выступаетъ

въ такомъ видѣ: координировать, т.-е. цѣлесообразно съорганизовать дѣйствія работниковъ съ работою машинъ. Организуемымъ объектомъ оказываются и живыя, и мертвыя активности, взятыя вмѣстѣ.

Но машина есть одно изъ орудій, болѣе сложное, чѣмъ другія, и только. Въ технику орудія представляютъ дополненіе органовъ тѣла, организаціонныхъ элементовъ рабочей силы; и улучшеніе всякаго орудія или введеніе новаго обуславливаетъ перегруппировку рабочихъ силъ или измѣненіе связи трудовыхъ дѣйствій. То же, въ разной мѣрѣ, относится и къ другимъ средствамъ производства. Следовательно, техническая задача въ предпріятіи такова, чтобы съорганизовать рабочія силы и средства производства въ планомѣрно функционирующую систему: это организація людей и вещей въ цѣлесообразное единство *).

Когда избрѣтатель комбинируетъ и строитъ машину, то у него элементами, которые онъ организуетъ для заранее поставленной цѣли, служатъ вещи съ ихъ специфическими энергіями: „мертвая“ машина можетъ и въ отдѣльности разсматриваться, какъ нѣкоторая организованная система,—хотя эта ея характеристика едва ли привычна для обыкновеннаго мышленія.

Въ общемъ, весь процессъ борьбы человѣка съ природою, подчиненія и эксплуатаціи стихійныхъ ея силъ, есть не что иное, какъ процессъ организаціи міра для человѣка, въ интересахъ его жизни и развитія. Таковъ объективный смыслъ человѣческаго труда.

Еще очевиднѣе организаціонный характеръ познанія и вообще мышленія. Его функція заключается въ томъ, чтобы координировать факты опыта въ стройныя группировки—мысли и системы мыслей, т.-е. теоріи, доктрины, науки и пр.; а это значитъ—организовать опытъ. Точныя науки организуютъ всю современную технику машиннаго производства; онѣ способны къ этому лишь потому, что сами представляютъ организованный опытъ прошлаго, прежде всего также техническій.

Художественное творчество имѣетъ своимъ принципомъ стройность и гармонію, а это значитъ—организованность. Оно своими особыми методами организуетъ представленія, чувства, настроенія людей, тѣсно соприкасаясь съ познаніемъ, часто съ нимъ прямо сливаясь, какъ беллетристика, поэзія, жи-

*) Экономическая точка зрѣнія отличается отъ технической тѣмъ, что сосредоточиваетъ свой интересъ спеціально на отношеніяхъ людей; поэтому для нея организаціонными элементами и должны являться только люди съ ихъ дѣйствіями.

вопись. Въ искусствѣ организація идей и организація вещей нераздѣльны. Напр., взятыя сами по себѣ, архитектурное сооруженіе, статуя, картина являются системами „мертвых“ элементовъ — камня, металла, полотна, красокъ; но жизненный смыслъ этихъ произведеній лежитъ въ тѣхъ комплексахъ образовъ и эмоций, которые вокругъ нихъ объединяются въ человѣческой психикѣ.

Мы видимъ, что человѣческая дѣятельность, отъ простѣйшихъ до наиболѣе сложныхъ ея формъ, сводится къ организующимъ процессамъ. Остается только еще дѣятельность разрушительная. Если разсматривать ее непосредственно и обособленно, то ея функція есть дезорганизующая. Но болѣе полное изслѣдованіе показываетъ, что и она есть результатъ столкновенія разныхъ организационныхъ процессовъ. Если люди убиваютъ и ѣдятъ животныхъ, то они дезорганизуютъ другія жизненные системы, чтобы организовать ихъ элементы въ составъ своего собственного тѣла. Если они истребляютъ хищниковъ и людей-враговъ, то потому, что находятъ въ нихъ дезорганизующія силы, и, устраняя ихъ, тѣмъ самымъ организуютъ свою жизненную среду въ своихъ интересахъ. Вотъ почему и тутъ мы не выходимъ изъ предѣловъ организационнаго опыта.

Но его область еще шире. Стихійные процессы природы также бываютъ организующими или дезорганизующими.

Тутъ, по обычному употребленію словъ, интересующія насъ понятія относятъ специально къ явленіямъ жизни, ея развитія или разрушенія. Все живое разсматриваютъ, какъ организованное; это, разумѣется, правильно; и отсюда слѣдуетъ, что въ мірѣ, и помимо человѣка съ его дѣятельностью, приходится принимать организующіе процессы, а соответственно имъ также дезорганизующіе. Но правильно ли ограничивать значеніе этой концепціи одними явленіями жизни?

Прежняя рѣзкая граница между живой и „мертвой“ природою для современнаго естествознанія все болѣе сглаживается. Основные черты и особенности жизни, которые всегда считались специфическимъ выраженіемъ ея организованности—ассимиляція и дезассимиляція въ ихъ подвижномъ равновѣсіи, ростъ и размноженіе, заживленіе ранъ и т. под.—обнаружены, по крайней мѣрѣ, ихъ простѣйшія и зародышевыя формы—въ кристаллахъ; а между тѣмъ кристаллы—не наиболѣе сложные среди такъ называемыхъ „неорганическихъ“ комплексовъ. Такимъ образомъ, понятія организаціи—деорганизаціи должны быть, во всякомъ случаѣ, распространены дальше предѣловъ биологій.

Но для „неорганическаго“ міра непрерывность формъ возбуждаетъ всего меньше сомнѣній. Поэтому логика

сдѣланнаго вывода вынуждаетъ отнести его ко всей внѣ-біологической природѣ. Да и странно было бы, признавая известную организованность за кристаллами, не признавать ея за такой поражающе-стройной системой, какъ солнечная, или хотя бы за такимъ, по современнымъ взглядамъ аналогичнымъ солнечной системѣ образованіемъ, какъ атомъ. Въ скрытомъ видѣ и обыденное мышленіе принимаетъ эту же точку зрѣнія, обозначая „неорганическіе“ комплексы, какъ системы, что по существу выражаетъ идею объ организованномъ цѣломъ, и примѣняя къ нимъ понятіе разрушенія, которое не имѣло бы никакого смысла по отношенію къ абсолютно-неорганизованному. То, что абсолютно неорганизовано, не оказывало бы никакихъ сопротивленій внѣшнимъ воздѣйствіямъ, и было бы поэтому неразрушимо, но и совершенно неуловимо для насъ, недоступно нашему опыту. За предѣлами жизни лежатъ, слѣдовательно, низшіе типы и ступени организаціи; абсолютное отсутствіе организаціи такъ же немислимо безъ противорѣчія, какъ абсолютно-совершенная организація.

Въ технику мы нашли, „организацію вещей“ для человѣческихъ цѣлей: теперь мы находимъ ее въ природѣ внѣ человѣческихъ цѣлей. Вся природа оказывается, въ свою очередь, полемъ нашего организаціоннаго опыта.

Итакъ, область организаціоннаго опыта совпадаетъ съ областью опыта вообще. Организаціонный опытъ—это и есть весь нашъ опытъ, взятый съ организаціонной точки зрѣнія, т.-е. какъ міръ процессовъ организующихъ и дезорганизующихъ.

б) Прежнія формы организаціоннаго опыта.

Человѣчество хранить, накапливаетъ и систематизируетъ свой организаціонный опытъ съ тѣхъ поръ, какъ развились необходимые для этого методы—символика рѣчи и мышленія. Но формы систематизаціи въ свою очередь развивались, и на памяти исторіи были весьма различны.

Древнѣйшая изъ этихъ формъ, какую мы знаемъ,—авторитарная или религіозная традиція. Отъ поколѣнія къ поколѣнію передавались „завѣты предковъ“; а такъ какъ уже весьма рано отношеніе къ отдаленнымъ предкамъ приняло характеръ культа и придало міровоззрѣнію типъ религіозный, то ихъ завѣты воспринимались и усваивались, какъ священныя или божественныя преданія. Въ нихъ организаціонный опытъ концентрировался въ видѣ обычаевъ или правилъ, относившихся и къ практикѣ, и къ мышленію людей. Все опредѣлялось, все регулировалось этими правилами: организація общины и труда ея членовъ, техническіе

приемы организациі вещей, міропониманіе, т.-е. организациа идей. Авторитетъ, воплощавшій въ себѣ опытъ прошлаго, указывалъ, какъ должно жить, какъ должно работать, какъ—мыслить, даже чувствовать; онъ систематизировалъ стихійно выработанныя прежними поколѣніями организационныя схемы и методы, облакая ихъ въ свои непреложныя повелѣнія.

Сначала авторитарная традиція была всецѣло устной. Затѣмъ ее фиксировало также религіозное искусство; а когда возникли письмена, то ея основное содержаніе было оформлено въ „священныхъ книгахъ“, своеобразныхъ энциклопедіяхъ религіознаго мышленія. По нимъ и теперь легко установить особенности этого типа систематизациі, рѣзко его отличающія отъ позднѣйшихъ типовъ.

Главныя особенности здѣсь двѣ: крайній консерватизмъ формъ и отсутствіе логическаго порядка, основаннаго на разграниченіи специальныхъ областей опыта. Первая черта вытекаетъ изъ существа священной традиціи: въ ней все непреложно, все есть откровеніе высшаго авторитета, которое не можетъ быть измѣнено человѣкомъ. На самомъ же дѣлѣ, конечно, и эта традиція измѣнялась, по мѣрѣ накопленія новаго организационнаго опыта, но съ такой медленностью, которая дѣлала перемены неуволыми для тогдашняго сознанія людей.

Вторая черта — отсутствіе логическаго порядка въ распредѣленіи матеріала—обусловливалась, прежде всего, самымъ способомъ накопленія опыта. Оно происходило стихійно, безъ определенной связи и послѣдовательности; новое содержаніе прибавлялось то въ одной, то въ другой области жизни или мышленія, и въ такомъ же, болѣе или менѣе случайномъ хронологическомъ порядкѣ переходило въ традицію, присоединяясь къ откровеніямъ, сгруппированнымъ вокругъ того или иного религіознаго авторитета. Поэтому въ священныхъ книгахъ разныхъ народовъ можно видѣть часто весьма странное для насъ нагроможденіе самыхъ разнородныхъ элементовъ: подрядъ правила культа и гигиены, юридическія и техническія, экономическіе обычаи и политическія доктрины, и т. д. Законы о постройкѣ зданій перемеживаются съ указазіями изъ области земледѣлія и скотоводства и предписаніями относительно костюма и даже ассенизационными (напр., въ извѣстной книгѣ Левитъ); теорія мировой организациі или космогонія съ этическими нормами, этнографіей и географіей (напр., въ книгѣ Бытія); гимны о богахъ съ техникой производства опьяняющихъ напитковъ (въ индусскихъ Ведахъ), и т. под. Порядокъ въ этомъ есть, но не логическій, а скорѣе стихійно-живописный, похожій на обычный путь ассоціациі мыслей въ нашемъ сознаніи.

Такая систематизациа была возможна и достаточна лишь

вслѣдствіе тогдашней бѣдности организаціоннаго опыта: если и не было еще выработано болѣе удобныхъ, болѣе совершенныхъ формъ его связи, то все-же и въ менѣе экономной группировкѣ онъ могъ, насколько требовалось, быть усвоенъ людьми, особенно тѣми, которые специально ему себя посвящали, какъ руководители общественной жизни; а такими являлись обыкновенно жрецы. Но съ накопленіемъ болѣе широкаго опыта прежній методъ систематизаціи неизбежно долженъ былъ оказаться неудовлетворительнымъ.

Съ одной стороны, консерватизмъ авторитарной традиціи мѣшалъ войти въ нее возрастающей массѣ новыхъ, цѣнныхъ для жизни пріобрѣтеній; и тѣмъ быстрее, тѣмъ замѣтнѣе и оцѣтнѣе для самихъ людей становился ходъ прогресса, тѣмъ меньше допускала его старая форма, тѣмъ меньше все новое могло укладываться въ рамки религіозно-непреложнаго. Съ другой стороны, самое количество матеріала уже требовало болѣе стройной, болѣе экономной его группировки; иначе его усвоеніе становилось черезчуръ труднымъ, а затѣмъ и прямо невозможнымъ. Тогда въ системѣ опыта сталъ быстро пріобрѣтать господство принципъ специализаціи.

Ея основой послужило практическое раздѣленіе труда; сущность же заключается въ томъ, что человѣческая дѣятельность раздробляется на отрасли, изъ которыхъ каждая имѣетъ дѣло съ особымъ типомъ объектовъ природы, развиваетъ свои особые методы и собираетъ свой специальный опытъ. Такъ, земледѣлецъ, сосредоточивая все въ большей мѣрѣ свою работу на воздѣлываньи почвы, хранилъ, совершенствовалъ, дополнялъ и передавалъ своимъ преемникамъ совокупность технически-организаціонныхъ пріемовъ и знаній, сюда относящихся; а въ прочихъ областяхъ опыта онъ довольствовался нѣкоторымъ minimum, необходимымъ для успѣшности его хозяйства и для поддержанія связи съ другими членами общества; аналогично поступалъ въ своей сферѣ труда и мышленія каждый ремесленникъ, купецъ, солдатъ, и т. д. Раздѣленіемъ функцій поле активности для каждаго суживалось, но зато успѣшность усилій возрастала. Во всѣхъ отрасляхъ трудъ становился производительнѣе, а опытъ расширялся съ большей скоростью.

Именно вліяніе специализаціи привело къ тому, что сначала организаціонный опытъ освободился отъ религіозной схемы и принялъ форму „мірскаго“ или „свѣтскаго“ знанія, а затѣмъ сложился въ различныя науки. Во всякой отрасли труда образовывался шагъ за шагомъ свой особый запасъ знанія; когда же его масса оказывалась слишкомъ значительна для успѣшной устной передачи и простого запоминанія, то при помощи письменной символики